

УДК 81 (091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-94-110

ВЫНУЖДЕННАЯ ЛАКУНА В ТРУДАХ Н. А. КОНДРАШОВА ПО ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВИСТИКИ: НОРВЕЖСКИЙ СЛАВИСТ ОЛАФ БРОК

Лённгрен Т. П.

Университет Тромсё – Арктический Университет Норвегии

N-9037, г. Тромсё, Норвегия

Аннотация. В статье излагаются сведения об эпистолярном наследии первого профессора славянских языков Университета Осло Олафа Брока. Одним из научных интересов Н. А. Кондрашова было изучение истории славистики и деятельности видных учёных начала прошлого века. Именно в то время в России были изданы фундаментальные труды норвежского исследователя, которые до сих пор остаются основополагающими в работах по фонетике славянских языков. Однако по политическим причинам Н. А. Кондрашов не мог упоминать об Олафе Броке, поэтому в его исследованиях по историографии славистики образовалась вынужденная лакуна. Заполнение этого пробела одинаково важно как для изучения истории славистики, так и для развития идей и начинаний, заложенных в трудах Н. А. Кондрашова.

Ключевые слова: история славистики, эпистолярное наследие, язык и культура, общее языкознание, социолингвистика, Олаф Брок

ENFORCED LACUNA IN N. KONDRASOV'S STUDIES ON HISTORIOGRAPHY OF SLAVISTICS: NORWEGIAN SLAVIST OLAF BROCH

T. P. Lönngrén

The University of Tromsø – The Arctic University of Norway

PO Box 6050 Langnes, N-9037 Tromsø, Norway

Abstract. The article presents facts about the epistolary legacy of Olaf Broch, the first professor of Slavic languages of the University of Oslo. One of the interests of N. Kondrashov was the study of the history of Slavistics and the works of renowned scholars at the beginning of the last century. This was the period when the excellent works of the Norwegian scholar were published in Russia, works that are still fundamental in the study of the phonetics of Slavic languages. However, for political reasons, N. Kondrashov could not mention Olaf Broch, which explains the enforced lacuna his account of the history of Slavic studies. To point out this lacuna is equally essential for the history of Slavic studies as for the correct evaluation of the ideas and initiatives found in the works of N. Kondrashov.

Keywords: history of Slavonic studies, epistolary heritage, language and culture, General linguistics, sociolinguistics, Olaf Broch

Несмотря на то что одним из научных интересов Н. А. Кондрашова было изучение истории славистики и деятельности её выдающихся подвижников начала прошлого века [6–12; 17], о норвежском слависте Олафе Броке (1867–1961), ученике Ф. Ф. Фортунатова, И. В. Ягича, А. Лескина, друге и единомышленнике А. А. Шахматова, учёном с мировым именем, внесшем неоце-

нимый вклад в развитие науки о славянских языках, в работах московского исследователя не упоминалось никогда.

Тем не менее блестящие работы Н. А. Кондрашова являются неопровержимым свидетельством того, что он не мог не знать о норвежском лингвисте, который по просьбе академика А. А. Шахматова и при хорошей финансовой поддержке

Императорской академии наук в 1902 г. в полевых условиях собрал материал о двух русских говорах и представил их описание в двух солидных трудах [1; 2]. Эти работы Брока, изданные в России в начале прошлого века, были и до сих пор остаются основополагающими в исследованиях диалектологов-фонетистов [4]. Кроме того, по предложению легендарного слависта И. В. Ягича, описанию научной деятельности которого Н. А. Кондрашов посвятил отдельную работу [6], норвежский исследователь принял участие в гигантском по объёму и значимости труде прошлого века «Энциклопедия славянской филологии» и описал фонетический строй всех славянских языков. Новаторская для своего времени работа Олафа Брока, изданная сначала на русском [3], а затем на немецком языке [21], была и остаётся актуальной в славистике [18]. Однако в своих трудах по истории славистики Н. А. Кондрашов был вынужден не упоминать эти фундаментальные труды, потому что их автор, первый профессор славянских языков Университета Осло Олаф Брок, избранный в 1916 г. членом-корреспондентом Императорской академии наук за весомый вклад в развитие науки о русском языке, в 1949 г. был исключен из АН СССР за «антисоветскую деятельность»¹.

Именно политическая обстановка, в которой талантливый учёный Н. А. Кондрашов в постоянной борьбе за выживание неустанно трудился на благо и развитие отечественной филологии [16], была причиной вынужденной лакуны, образовавшейся в его исследованиях по историографии славистики. Заполнение этого пробела одинаково важно как для изучения истории славистики, так и для развития идей и начинаний, заложенных в трудах Н. А. Кондрашова.

За два года до рождения будущего русского слависта Н. А. Кондрашова, под впечатлением потрясений в России после ок-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС. Д. 40. Л. 139.

тябрьских событий 1917 г. Олаф Брок писал Алексею Александровичу Шахматову: «Как ни бурно время, но нельзя забывать о людях, личностях»². Именно в этих словах заключается основной смысл статьи, в которой речь пойдёт не только и не столько об Олафе Броке как исследователе, лингвисте, диалектологе, но о человеке, жизнь которого является примером безграничной любви к людям, неутомимой службы на благо славистики, международного сотрудничества и сохранения здоровых научных связей и отношений между людьми науки всегда: будь то во время исторических потрясений или в круговороте повседневности.

Известно, что наилучшими свидетелями того, что человек чувствует и как реагирует на события в разных жизненных ситуациях, является переписка: именно в письме, а не в мемуарах или воспоминаниях в одно мгновение в определённый момент жизни отражается мысль на бумаге.

Эпистолярное наследие Олафа Брока представлено богатой перепиской, которая в настоящее время хранится в архивах разных стран³. Основная же её часть находится в рукописном отделе Норвежской национальной библиотеки в Осло, в архиве Олафа Брока, фонд Brevs. 337. Описания этого архива нет, но есть картотека, где на каждой карточке указаны имя и фамилия корреспондента, иногда годы его жизни, количество писем и их хронологические рамки. Сейчас силами сотрудников отдела начата работа по дигитализации этой картотеки⁴. Представленная в фонде эпи-

² Из письма О. Брока к А. А. Шахматову от 4.12.1917 (См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186). Здесь и далее воспроизведение цитат из писем осуществляется в современной орфографии, явные ошибки устранены, авторская пунктуация сохранена.

³ Норвежская национальная библиотека в Осло (NB); Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН); Национальный исторический архив в Киеве (ЦДІАК); Институт рукописей ЦНБ НАН Украины; Бахметьевский архив Колумбийского университета в США и др.

⁴ См.: Hanske: Katalog over privatarkiv og musikkmanuskripter [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nb.no/hanske/signaturfunn.php> (дата обращения: 13.09.2019).

столярная часть архива Брока хранится в тринадцати больших папках. Ещё в шести папках собраны до сих пор не описанные единицы эпистолярной части архива. Эти папки по просьбе исследователя могут быть предоставлены сотрудниками отдела для ознакомления, изучения и возможного описания.

По предварительным подсчётам в тринадцати папках находятся письма, открытки, телеграммы от 458 корреспондентов, писавших на разных языках: норвежском, шведском, датском, немецком, французском, английском, чешском, словацком, польском, сербском, хорватском, болгарском, русском и украинском. Встречается несколько корреспондентов, не придерживавшихся одного языка: одна часть их писем, например, по-русски, а другая – по-английски, немецки или французски. 134 корреспондента писали только на русском языке и четыре – только на украинском [27, с. 35–36].

Круг общения норвежского слависта на русском языке был очень широк: он переписывался с коллегами-филологами, известными учёными из других областей науки, писателями, дипломатами, политиками, родственниками и знакомыми коллег и друзей, разными людьми, обращавшимися к нему за помощью в поисках своих родственников, оформлении визы, оказания материальной помощи, передачи корреспонденции, передачи просьбы Фритюфу Нансену и др. Не случайно В. Н. Огранович, личный секретарь первой русской женщины-философа В. Н. Половцовой, обращаясь к О. Броку за помощью в оформлении норвежской визы для своего руководителя, писала: «Простите, что беспокою Вас, но уж такая Ваша роль быть другом и помощником человечества»¹. А меткое определение, данное Броку его известным земляком Кнудом Гамсуном, – «дипломат славянских народов» (из письма В. Крага О. Броку), – очень точно определяет деятельность нор-

вежского слависта во время военных и революционных потрясений, обрушившихся на Европу в первой половине прошлого века.

В общении с филологами особое место занимает переписка с А. А. Шахматовым. В Норвежской национальной библиотеке в Осло хранится 104 письма академика Шахматова, адресованных Броку, а в Санкт-Петербургском филиале архива РАН – более 180 посланий Брока к Шахматову. В их корреспонденции, прежде всего, речь шла о научных делах, идеях, мыслях. Так, например, в мае 1899 г., после выхода первых работ в престижном «Архиве» Ягича [24; 25], а затем в Норвегии [22; 23], Брок писал Шахматову: «...я даже начинаю бояться, что никто меня не понимает и не хочет читать эти, конечно, не совсем лёгкие, работы... Но мне самому кажется, вне всякого сомнения, что если лингвистика движется вперёд, будет время, когда и славяне будут пользоваться моими исследованиями, не только “шутя”».

В январе 1904 г. по поводу участия Брока в «Энциклопедии славянской филологии» Шахматов писал: «На Ваши наблюдения возлагаю так много надежд. Они должны послужить началом строго научного фонетического описания русского языка. И теперь такая радость. Очень доволен, что Вы примите деятельное участие в Энциклопедии. Доволен также Фортунатов, настаивавший на том, чтобы Вам, в области физиологии звуков, была предоставлена руководящая роль»².

После выхода книги «Очерк физиологии славянской речи» [3] Шахматов не скрывал восторга: «Ваша книга очень много читается и изучается. Меня это сильно радует. Вы в Ваших работах роднее и понятнее для меня, чем многие из современных фонетиков, вроде нашего Щербь»³.

Но не только мыслями о науке делился русский учёный со своим норвежским другом: в марте 1905 г. он писал: «Как все мрачно, как пока мало надежды на мирное разрешение всей необъятной смуты! А наши

¹ Норвежская национальная библиотека в Осло (далее – NB). Olaf Broch, Brevs. 337. Незарегистрированное письмо Н. В. Огранович О. Броку от 07.02.1927.

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 27.06.1924.

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 08.11.1911.

Норвежский славист Олаф Брок (1867-1961).

дела на востоке, Мукден и Порт-Артур! Многие мечтают о победе, а я – только о мире! Победа заведет нас в Манчжурию, пожалуй, в Корею и даже в самый Китай: мы будем расти и своим ростом, потребностью роста оправдывать всякие внутренние безобразия»¹.

Во время первой мировой войны переписка Брока и Шахматова превратилась в своеобразный почтамт организации международного сотрудничества учёных, оказавшихся изолированными в условиях войны: «Прошу не гневаться, что [...] пользуюсь Вами в качестве почтамта. Уж время такое...»², – писал своему русскому другу О. Брок.

Вот только несколько примеров из переписки этого времени, но уже они позволяют представить, насколько активной была

деятельность учёных-славистов двух стран во время военного лихолетья:

«Вас прошу, как представителя нейтральной страны, сообщить о смерти Фортунатова Ягичу, Лескину, Брукману, Паулю, Боуеру, Бернекеру, а также другим, кого вспомните»³;

«По просьбе Ягича, от которого я только что получил открытку, [...] передаю Вам следующее его желание: чтобы Вы на его месте занимались печатанием как собственной Вашей работы о старорусском языке, так и окончанием палеографии Лаврова и Калужняцкого»⁴;

«Прилагаемое письмо от Ягича считаю себя в праве переслать прямо в Академию Наук, так как Ягич состоит академиком, и его письмо [...] касается телеграммы, дошедшей к нему со стороны Русского Министерства Иностранных дел. Прошу Вас просмотреть письмо и сообразить, что можно делать. При обращении к Министерству Иностранных дел, куда Вам, вероятно, надо будет захватить лично, прошу пользоваться – если не имеется у Вас лучших связей – моим личным знакомством и дружбой с Вице-директором II департамента Владимиром Александровичем Березниковым, передать ему сердечный поклон от меня и попросить его – необычайно дельного и умного человека – помочь нам»⁵;

«Прошу Вас исполнить следующие две мои просьбы. Во-первых, напишите Ягичу, что Министр Военный по ходатайству нашего Президента предложил раненому или остаться в Харькове, или переехать в Ташкент, Пятигорск, Владикавказ. Во-вторых, переправьте заказным прилагаемое письмо профессора Львовского университета Господина Калленбаха его жене. Он в совершенном отчаянии, что не имеет

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337. Из письма А. А. Шахматова О. Брок, 26.09.1914.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 05.10.1914.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 16.10.1914.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 27.03.1905.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 04.12.1914.

Академик А. А. Шахматов (1864–1920).

от неё известий. Успокойте Ягича насчёт «Энциклопедии»¹;

«Письмо госпожи Калленбах, конечно, немедленно отправлено по адресу, заказным. Ягичу и Решетару я уже написал, очень радуюсь их радости! Современнно с настоящим отправляю открытое же письмо господину Евграфу Ковалевскому, от которого имел письмо для пересылки господину Максиму Ковалевскому»²;

«Ягич просит спросить Вас согласия войти на место Фортунатова, как сотрудника Архива. Даже в кружках науки ужасная война привела как будто к потере уравновешенности. Я уверен в Вас, Алексей Александрович, и вообще в своих русских друзьях, что они не заразились этой дикой горячкой, против которой мы, дети нейтральных стран, будем бороться всеми силами, и поэтому прошу Вас от себя не отказываться от предложения Ягича. Ради

указанной высшей цели устраняю свои личные чувства, вызванные разрывом между Ягичем и Лескиным несколько лет и т. п. [...] Когда призывает человечество, я не могу противостоять. [...] Мне кажется, что всё то, что имеет хотя и мельчайшее соприкосновение с учёным миром и его людьми, имеет также известное право обратиться именно к нам в это ужасное время. Пока не услышу от Вас другое мнение, я потому буду продолжать, как раньше, взывая к Вашему доброму сердцу и распорядительности»³.

С окончанием войны жизнь в Советской Республике легче не стала. В предпоследнем письме Шахматов открыто пишет о тяжести существования, голоде, безысходности: «Живётся у нас тяжело; не хватает денег, несмотря на увеличение жалованья. И каких может хватать денег, когда пуд ржаной муки стоит 800 р[ублей]; [...] Вообще мы голодаем [...]. Не приложу ума, что нас выведет из того ужаса, который мы переживаем»⁴.

В тяжелое время Олаф Брок всеми силами старался помочь Шахматову: «...смотря очень мрачно на предстоящую России зиму; боюсь, что окажется Вам трудным, не только работать – кто может работать над наукой в такое время! – но просто питать себя и семью. Прошу не забыть, что есть у Вас друг. [...] Дайте в случае знать, я выхлопочу – уверен в том – разрешение переехать сюда; а то, что мы имеем, будем делить с Вами, пробиваясь таким образом до лучших дней»⁵.

В последнем письме Шахматов писал Брокку: «Я виноват перед Вами за то, что редко писал Вам в последнее время, но на душе было в последние месяцы так невыносимо тяжело, что письменная беседа даже с близким и дорогим человеком каза-

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337. Из письма А. А. Шахматова О. Брокку, 16.11.1914.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 04.12.1914.

³ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 19.12.1914.

⁴ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 09.02.1919.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 09.06.1918.

лась невозможной. Мы теперь уже допиваем чашу позора до дна»¹.

Уже во время своей первой поездки в Москву в 1887 г. двадцатилетний студент Брок познакомился со своим будущим учителем и наставником Ф. Ф. Фортунатовым и находился в переписке с ним в течение 14 лет (1893–1907). В СПбФ АРАН сохранилось шесть писем Брока к Фортунатову, и три письма Фортунатова к Броку находятся в Норвежской национальной библиотеке. Сравнение этих писем с перепиской Фортунатова с Шахматовым² свидетельствует о том, что русский профессор с одинаковой серьёзностью, интересом и строгостью относился к обсуждению научных проблем с обоими молодыми лингвистами и не делал никакой скидки на то, что для одного из них русский язык был неродной.

Олаф Брок переписывался со многими русскими лингвистами, литературоведами, писателями, поэтами. В его архиве хранятся письма В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна дэ Куртенэ, И. А. Бунина, К. Я. Грота, Ф. Е. Корша, Б. Ляпунова, Д. С. Мережковского, С. Ф. Ольденбурга, М. Д. Приселкова, Е. Перфецкого, П. Н. Сакулина, А. М. Селищева, П. Струве, В. И. Чернышева, В. Ф. Шишмарева, Р. О. Якобсона и др.

В трудные 1920-е гг. Брок вместе со скандинавскими учёными всячески старался поддержать своих собратьев-учёных в молодой советской республике. В архиве хранится ответ А. В. Луначарского Броку о том, какую поддержку от государства получают советские учёные, и копия благодарственного письма Луначарскому, написанного Броком в июле 1921 г. от имени группы скандинавских учёных. В 1922 г. Брок получил два письма от И. П. Павлова, отправленных из Хельсинки, в которых великий русский физиолог благодарит норвежского коллегу за помощь, а в одном

из писем горестно замечает, что только в письмах из-за границы можно избавиться от «рыбьего языка», которым вынуждены пользоваться в сообщениях, отправляемых из Советской России [14, с. 88–91].

Благодаря стараниям Брока, его упорству, широкому кругу контактов на всевозможных уровнях, политехнический институт и институт Герцена в Ленинграде, а также институт в Воронеже получили микроскопы, о чём идёт речь в письмах благодарных коллег.

В годы первой мировой войны Брок принимал активное участие в деятельности Красного Креста, через который русским военнопленным было отправлено несколько тысяч книг на русском языке. В архиве Брока сохранились благодарности военнопленных с приложенными списками полученных книг, а также письмо из петроградского отделения Красного Креста о том, что впредь посылки из Норвегии русским военнопленным передаваться не будут.

Как и в переписке с Шахматовым, военные годы внесли свои коррективы в содержание общения Брока с другими коллегами-славистами: наряду с обсуждением лингвистических проблем они всё чаще обращаются друг к другу с просьбой разыскать место нахождения военнопленного, позаботиться о его пребывании, передать деньги или послать продукты. Так, например, из переписки Брока и В. А. Богородицкого³ (сохранилось одно письмо и одиннадцать почтовых открыток О. Брока В. А. Богородицкому, написанных в период 1915–1922 гг.) видно, как тематика обсуждения фонетических проблем сменяется просьбами о помощи и поддержке военнопленных.

Вот пример из довоенного письма профессора Казанского университета Олафу Броку: «Многоуважаемый Коллега! Весьма благодарен Вам за присылку Вашего прекрасного труда по физиологии славянской речи⁴, которым я намерен широко воспользоваться при своих будущих

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 24.07.1919.

² См.: Шахматов А. А. Избранная переписка в трёх томах. Том 1. Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Пертцем, В. М. Истриным. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 27–412.

³ См.: СПФ АРАН. Ф. 898. Богородицкий Василий Алексеевич. Оп. 2. Письма. Ед. хр. № 14.

⁴ Речь идёт о работе [3].

работах. Не говоря уже о богатстве содержания, он отличается редкой объективностью и изяществом изложения»¹. И далее В. А. Богородицкий продолжает обсуждать достоинства и достижения исследования своего норвежского коллеги и намечает конкретный план использования результатов этой работы в своих дальнейших исследованиях.

За следующие пять лет корреспонденция Брока и Богородицкого не сохранилась. Из более поздних сообщений Брока, написанных пять лет спустя на почтовых карточках с отметкой военной цензуры, видно, что тема переписки в этот период была очень далека от ливневических проблем. Так, 3 апреля 1915 г. Брок обращается к Богородицкому за помощью совсем другого рода:

«Многоуважаемый Коллега, здешний мой коллега проф[ессор] Гольдшмидт² обратился ко мне по следующему делу. Профессор минералогии Черновицкого (а раньше Венского) университета Михаил Старк попал в плен к русским 27 ноября, в качестве поручика 3-ей роты 22-го ландштурмского пехотного полка. Его перевели в Канск Енисейской губ[ернии]; потом известный шведский физик Аррениус и Петроградская академия выхлопотали для него позволение переехать в Казань, чтобы дать ему случай заниматься наукой. Мой коллега, который был в своё время учеником Старка, узнал, что последний находится в затруднительном экономическом положении; а так как семье Старка не удалось до сих пор послать ему денег, то Гольдшмидту вздумалось отправить ему отсюда. Он спрашивает меня, как устроить это. Зная по опыту Вашу большую любезность, я позволил себе указать ему на Вас и дал ему Ваш адрес. Он сегодня вышлет сумму – и так Вы будете знать, на что сумма назначена. Я уверен, что не рассерди-

Профессор В. А. Богородицкий (1857–1941).

тесь! Тёплые поклоны также от Ягича, с которым я в постоянной переписке»³.

На этой карточке есть запись, сделанная рукой В. А. Богородицкого: «Деньги переданы Старку под расписку у казанского командира генерала Н. В. Комарова 4 мая 1915 г.».

В следующем сообщении от 16 мая 1915 г., тоже написанном на почтовой карточке с отметкой военной цензуры, Брок пишет:

«Глубокоуважаемый Коллега! Получил сегодня карточку с вопросом, что делать с Гольдшмидтовыми деньгами, и сегодня карточку, что наконец узнал о назначении суммы и передал, куда следует. Очень благодарит Вас Гольдшмидт через меня. Вероятно, Вы получили письмо от него, а через несколько дней получите еще открытку, заказную, всё о тех же деньгах, которые, очевидно, привели Вас в большое недоразумение. Можно ли узнать че-

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 30.11.1910.

² Гольдшмидт Виктор Мориц (1888–1947), норвежский геохимик, один из основоположников геохимии. Учился в Кристиании (Осло) и в Вене. С 1914 г. профессор минералогии и геологии университета в Осло.

³ СПФ АРАН. Ф. 898. Богородицкий Василий Алексеевич. Оп. 2. Письма. Ед. хр. № 14.

рез Вас, как поживает про[фессор] Старк? Гольдшмидт очень желал бы слышать об этом. А просит он меня ещё передать г[осподину] Старку через Вас, что наконец, две недели т[ому] н[назад], родные С[тарк]а в Вене получили от него известия; пусть он успокоится по этому поводу! Как я желал бы переселиться с Вами на волжскую дачу – я сильно скучаю по России, хотя и у меня есть прелестная своя избушка в лесу, около фьёрда. Сердечные поклоны от меня и от сына Jens [Енса]. Весь Ваш Олаф Ив[анович]¹ Брок».²

До обнаружения этой переписки Брока с Богородицким из их биографий не было известно о том, что они знали друг друга.

С просьбой о розыске и оказании помощи родственникам-военнопленным обращались к Броку не только коллеги-учёные, но и совсем незнакомые люди. Красноречивым в этом отношении является письмо отчаявшейся матери трёх сыновей, соседки Шахматова по губаревскому имению Анны Ивановны Вязовской от 5 сентября 1919 г.:

«Многоуважаемый Олаф Иванович! Это письмо удивит Вас, что из какой-то Вязовки и Вязовская знает Вас там далеко в Норвегии. Мы сию минуту сидим с Алексеем Александровичем Шахматовым и разговариваем о Вас; он только что вернулся из Петрограда за семьей; 8 сентября выедет опять из Губаревки. В бытность Вашу в Губаревке³ мы виделись с Вами, но то уже было давно. Алексей Александрович много говорил о Вашей доброте душевной и отзывчивости, и по совету его я к Вам и обращаюсь с большой просьбой: нет ли в Германии у Вас знакомых лиц, при посредстве которых можно было бы навести в лагерях военнопленных справку, не числится ли мой сын прапорщик 151 пехотно-

го Пятигорского полка, пропавший без вести 11 июля, Сергей Сергеевич Вязовский. Если возможно, во имя всего святого прошу Вас.

Есть и другая просьба: сын доброволец 18 Сибирского стрелкового полка Александр Сергеевич Вязовский находится в германском плену, лагерь Güstrow in Mecklenburg. Varacke I. Ему посылалось несколько переводов на деньги, но до 2 августа он ещё не получал. Есть одно выражение в его письме: “Деньги я не получал, но если их обратно не услили, получу”. Эта фраза меня наводит на мысль, что, вероятно, его некоторое время в Гюстрове не было, думаю, где-нибудь пленные были на работах. В каждом письме сын убедительно просит прислать ему что-нибудь съестного. По рассказам убежавших из плена солдатиков и вернувшихся инвалидами, жизнь в плену – это медленный измор голодом. За эту войну я потеряла убитым сына, пропавшим сына без вести, о котором прошу навести справки, и сына в плену.

Вы теперь поймёте наше, родителей, душевное состояние. Сыну, томящемуся в плену, не можем помочь. Думали, думали я и Алексей Александрович и надумали обратиться к Вам. Алексей Александрович решительно убеждён, что всё, зависящее от Вас, Вы исполните. По совету его я с этим письмом перевожу на Ваше имя 10 р[ублей] 42 [копейки], т. е. 20 крон, и прошу Вас на эти деньги купить что-нибудь из мучного, главным образом хлеба (удобнее в сушеном виде), сухарей и подобного тому и отослать посылкой в Германию. (Мы, русские, без хлеба голодаем). Я бы просила Вас не сразу на всю сумму закупить и отослать, а частями, дней через 5 или 6. Если Вам возможно и удобно исполнить мою просьбу, не отказывайте мне ответить по следующему адресу [...]. Шахматовы и мы, Вязовские, шлём почтение с пожеланием всего хорошего. Анна Вязовская. PS: Не найдёте

¹ Так всегда подписывался Олаф Брок в неофициальных письмах, адресованных русским: несмотря на то, что у скандинавов нет отчества, русские уважительно называли Брока Олафом Ивановичем.

² СПФ АРАН. Ф. 898. Богородицкий Василий Алексеевич. Оп. 2. Письма. Ед. хр. № 14.

³ По личному приглашению Шахматова Брок посетил Губаревку дважды: будучи студентом, в 1891 г., и вместе с супругой Нини в 1902 г. [15].

ли возможным переслать прилагаемое письмо?»¹.

Эта просьба, как и большинство других, завершившихся письмами благодарности, была исполнена норвежским профессором.

Много писем, адресованных Броку, содержат просьбы о помощи в оформлении визы: просили не только друзья, знакомые, друзья друзей, но часто и сами дипломаты.

О том, что у Брока был широкий круг общения с российскими посланниками, в литературе уже упоминалось², но к этому следует добавить, что он был близок не только с С. В. Арсеньевым, В. А. Березниковым и К. Н. Гулькевичем, но и с А. М. Коллонтай. В архиве Брока сохранилось шесть её писем, полученных норвежским профессором в течение семнадцатилетней переписки (1929–1946), а также копии ответов Брока советской посланнице. Гражданская позиция норвежского профессора особенно отчётливо прослеживается в письмах к Коллонтай, написанных в феврале 1940 г., где речь идёт о событиях в Финляндии³:

« М н о г о у в а ж а е м а я
Александра Михайлова, как ни расходимся, вероятно, в политических взглядах, я не могу себе представить, чтобы мы были столько же удалены друг от друга по части гуманитарных чувств. А сколько ни различается Советская Россия от той, с которой я был знаком и близко связан, не могу себе представить, чтобы совсем исчезли те чувства альтруизма и человечности, которые я видел и осязал много именно у покойных своих русских друзей. Потому и отважил-

ся на вопрос – прошу смеяться, если он чересчур наивен.

Как, со стороны наших кругов, и каким кругам Советской России Вы считали бы возможным дойти с обращением, рассказывающем о жестокостях и вызывающем к оказанию хоть некоторой гуманности по отношению к финляндскому народу? Не касаюсь вопроса о самом походе на Финляндию, имею в виду лишь бомбардировку беззащитного населения, нападения с воздуха на местности вне всякого отношения к военному делу. Не в интересах ли оно самой Советской России и всех нас, чтобы это прекратилось?

Жена кланяется.

В совершенном уважении О. Брок»⁴.

Незамедлительно пришёл довольно резкий ответ из Стокгольма:

«Уважаемый профессор, я получила Ваше письмо от 7 февраля. Понимаю вполне чувства, которыми это письмо продиктовано, но позвольте себе дать Вам совет, что намеченное Вами обращение едва ли принесло бы пользу делу. По-моему, весь вопрос в том, чтобы конфликт возможно скорее закончился, а для этого нужна добрая воля не только с нашей стороны.

Я невольно думаю, где же были все друзья мира, когда мы в течение многих лет упорно пытались проводить в Женеве ре-

Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции А. М. Коллонтай (1872–1952)

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337

² См., например: Гулькевич К. Н. Письма к Олафу Броку (1916–1923). М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 7–9.

³ Если верить воспоминаниям Коллонтай, в это время, 5.2.1940, она встречалась с министром иностранных дел Финляндии Таннером, приехавшим в Стокгольм. В любое время суток была вхожа в кабинет министра иностранных дел Швеции Гюнтера и посылала бесконечные срочные депеши, телеграммы, шифровки в Москву, стремясь во что бы то ни стало, как можно скорее приступить к мирным переговорам и прекратить кровопролитие (См.: Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Том 2. Москва: Academia, 2001. С. 493–502).

⁴ См. копию письма: NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 07.02.1940. В то время Коллонтай была посланником Советской Республики в Швеции, в Стокгольме.

шения, которые предупреждали военные конфликты.

Ещё одно: до Скандинавии, как и до всего мира, доходят только односторонние газетные сообщения и, при этом, естественно, пристрастные.

Прошу Вас, уважаемый профессор, передать мой привет Вашей супруге. С искренним уважением А. Коллонтай»¹.

Олаф Брок, вежливо поблагодарив Коллонтай за ответ, в лучших традициях дипломатического политеза написал такой разгромный комментарий действиям советских вождей на территории Финляндии, что вряд ли могли остаться сомнения в его правоте у любого здравомыслящего человека, а не только у неординарной советской посланницы:

«Многоуважаемая Александра Михайловна, за Ваш ответ я очень обязан, прошу принять мою благодарность. Я склоняюсь к мысли, что обращение от тех норвежских рабочих кругов, которые раньше были в довольно близких сношениях с советским рабочим миром, не останется, может быть, без благотворного влияния. Следуя Вашему совету, откажусь пока от такой мысли.

Не кончить на этом? На что вообще частные слова отдельного лица в эпоху, которая приносит Ваальские жертвы своим лозунгам о классах, партиях, государствах, а забывает вполне о человеке, его правах и обязанностях. Однако, по старой привычке, не могу отказать себе в паре заметок на таковые же от уважаемого собеседника.

Безусловно примыкаю к Вам, что весь вопрос в том, чтобы конфликт возможно скорее закончился. По-вашему, для этого “нужна добрая воля не только с нашей стороны”. По-моему, нужно меньше того, нужна просто воля, и только с советской стороны. Воля на основании уразумения у советских вождей, что есть у цивилизованных народов, также маленьких таковых, сознание права на известные условия жизни, которые им дороже самой жизни, и на которые поэтому никому не надо посягать. Признай советский

режим это, и конфликт кончен. Молотову вряд ли трудно найти подходящую “формулу”; ведь до сих пор советская власть как будто не “в войне” с финляндским народом или государством? Или как это?

Вы спрашиваете “где же были все друзья мира, когда мы в течение многих лет упорно пытались проводить в Женеве решения, которые преупреждали военные конфликты.” Не может быть Вам неизвестно, Александра Михайловна, что нигде столь душевно и столь многочисленно не относились с сочувствием и доверием к этим попыткам, как тут у нас. Тем горче и разочарование, вызванное поступком нынешних Ваших вождей по отношению к Финляндии.

Да, если бы Вы не принадлежали к дипломатии этих вождей, я бы посочувствовал Вам как образованной русской женщине из бывшего освободительного движения, такой вопрос: не шепчет ли где-то в душе Вашей голос против этого поступка и жертвования на него страшной массы жизней, не только “Маннергеймской шайки”, но также и добрых русских людей, не говоря о невинном населении деревень и хуторов.

Конечно, сообщения вообще, как Вы говорите, односторонни и пристрастны. Стараюсь держаться наглядных фактов и судить по ним. А и те рассказывают, не правда ли, более чем достаточно о всём ужасе и сраме нашего времени. Невольно выныривает ежедневно, ежечасно вопрос: “Что делать?”

Жена отвечает приветом же. С совершенным уважением О. Брок».²

В архиве Брока хранятся документы, не только адресованные самому Броку, но и другим его корреспондентам, находившимся с Броком в регулярной переписке. Так, например, известно, что Брок переписывался с Гулькевичем³ [26, р. 41]. Несколько писем, адресованных дипломату-невозвращенцу, тоже хранятся в архиве норвежского профессора. Как следует из работы В. А. Карелина, «Профессор Олаф Брок – “агент” русского влияния в Норвегии?

² См. копию письма: NB. Olaf Broch, Brevs. 337; 14.02.1940.

³ Гулькевич К. Н. Письма к Олафу Броку (1916–1923). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 288 с.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 10.02.1940.

Профессор Олаф Брок.
С фотографии 1947 г.

(из истории русско-норвежских общественных связей начала XX столетия)» [5], этот исторический материал может представлять большой интерес для исследователей российско-норвежских отношений начала прошлого века.

Олаф Брок высоко ценил интересы науки и международного сотрудничества. В биографии Брока до последнего времени никогда не упоминалось ни о том, что он был членом НАН Украины, ни о его научных связях с украинскими учёными. Именно из недавно найденного письма Михаила Сергеевича Грушевского Олаф Брок узнал, что в 23 июня 1924 г. он был единогласно избран членом-корреспондентом НАН Украины [26, р. 38]. В архиве Брока в Осло сохранилось девять писем Грушевского, восемь из них было написано украинским учёным в период эмиграции.¹ В последний день марта 1923 г. Грушевский писал: «[...] только что получил Ваше письмо и чек на 100 швейцарских франков для украинской интеллигенции. Большое спасибо за лепту Вашу, и еще большее за тот тёплый интерес, который Вы проявили по этому делу. Нансену при случае передайте,

что я лично и мои друзья чрезвычайно ценим его помощь».

Менее чем через две недели Грушевский снова обращается к Броку: «Было бы очень желательно, чтобы Нансен нашёл возможность передавать через свой аппарат продукты, деньги и вещи нашим коллективам по морю. [...] Надеюсь, что Вы не будете сердиться на меня, что я обременяю Вас этими нашими заботами; думаю, что они не трудны Вам, как не чужды страдания и русской интеллигенции и науки [...]».²

Но не только за продовольственной помощью обращался Грушевский к Броку: «Прошу сделать всё возможное, чтобы через миссию Нансена наладить обмен книгами и пособиями. Мы – Украинский Институт и я – хотели передавать наши издания в Россию и Украину и получать оттуда, я думаю, что тоже хотел бы и Ягич, и много других, а иным путём, как через Вас и Нансена, это едва ли удастся. [...] В Киев в НАН нужно послать фонограф и пластинок для фольклорных записей, но нужна уверенность, что не пропадут».³

Видимо, по просьбе Грушевского фонограф так и не был доставлен в Киев, поскольку с новой просьбой о фонографе к Броку обратился заведующий Музыкально-этнографическим кабинетом Украинской Академии Климент Васильевича Квитка: «Так как мне известно об оказываемой Вами помощи научной работе Восточной Европы по Вашей близости к комитету Нансена, то я решаюсь покорнейше просить Вас иметь в виду нашу нужду в хорошем фонографе, а также, в случае если доктор Торнбостер при нынешних русско-германских трениях не сможет выслать сюда купленный им фонограф, оказать содействие к пересылке аппарата нашей Академии кружным путём, через нейтальную Норвегию».⁴

В переписке норвежского слависта с украинскими коллегами речь шла не только об организации помощи через миссию Нансена. Среди специалистов хорошо известно о сотрудничестве Брока с Иваном Зилинским [3, с. 115, 223; 19].

На протяжении десятилетий продолжалась переписка Владимира Гнатюка и Брока:

¹ См. подробнее письма М. С. Грушевского О. Броку, 1923–1927 гг.: NB. Olaf Broch, Brevs. 337.

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 13.04.1923.

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, без даты, предположительно: май, 1923 г.

⁴ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 16.06.1924.

«Многоуважаемый добродетель! Поскольку я по происхождению галицкий русин, я давно интересуюсь и другими русинами [...]. Ваши работы меня убедили, что Вы заинтересовались угорскими русинами. Поэтому я решил познакомиться с Вами, думая, что это может принести нам общую пользу».¹ Как известно из истории науки, знакомство это было полезным: благодаря установившемуся сотрудничеству между двумя учёными в течение многих лет осуществлялись научные и культурные связи между Украиной и Норвегией [13].

Интереснейшая дискуссия по вопросам развития языка украинско-белорусского пограничья прослеживается в переписке Брока с украинским лингвистом Еленой Курило (сохранились четыре письма Е. Курило О. Броку²).

В течение долгой жизни Брока у его современников никогда не возникало вопросов об отношении норвежского профессора к Украине, украинскому языку и культуре, о чём свидетельствуют строки из писем не только украинцев, находившихся в родной стране, но и пребывающих далеко за её пределами. Так, например, Н. Левицкий, находясь в Стокгольме, писал: «Мне Ваше первое письмо очень хорошо запомнилось, где Вы, между прочим, писали, извиняясь, что пишете по-русски, хотя и знаете наш украинский язык, но не настолько, писали Вы тогда, чтобы свободно писать и высказываться. Я об этом много раз говорил и писал в прессе, приводил Ваши слова, как показатель высокой культуры Вашего отношения ко всему украинскому народу и его культуре, чего часто нет у тех людей, которые живут в Украине, не говоря ничего уже о России».³

Из Канады писал профессор Я. Рудницкий: «Благодарю Вас сердечно за Ваше ценное письмо. Оно свидетельствует о Вашем объективном подходе к проблемам Восточной Европы, и я чрезвычайно рад, что благодаря

Вам проблема украинского языка нашла место в академической программе в Осло».⁴

По случаю юбилея Олаф Брок получил благодарственное письмо от Комитета украинцев Канады в Виннипеге: «Украинцы Канады будут всегда благодарны Вам за Ваше внимание к проблемам Украины. А Ваши мысли, которые по этому поводу Вы высказали профессору Рудницкому, надолго останутся в нашей памяти».⁵

Во время военного лихолетья начала прошлого века Олаф Брок обратился к коллегам-славистам с призывом: «Пользуйтесь мною, если могу быть к услуге. Ведь при общем разрыве всех связей даже такое слабенькое звено, как я, может принести известную пользу» (из письма О. Брока А. А. Шахматову от 16.10.1914⁶). Это обращение норвежского «дипломата славянских народов» остаётся актуальным и в наши дни.

В завершение экскурса в эпистолярное наследие норвежского слависта нельзя не упомянуть ещё об одном интересном факте из его жизни.

Как было сказано выше, в июне 1902 г. по официальному приглашению Императорской академии наук Олаф Брок отправился в Россию для сбора диалектных материалов. Поехал он не один, а со своей женой Нини. После экспедиции в Мосальский уезд и короткого визита к Шахматову, который с семьёй в летнее время находился в своём имении в Губаревке, Нини уехала в Норвегию, а Олаф задержался ещё на месяц в Ярославской губернии.

В марте 1903 г., т. е. через девять месяцев после диалектологической экспедиции в Россию, в семье Броков родилась дочь Марианна, которую друзья в письмах так и называли «русская девочка».

В четырнадцатой папке, среди незарегистрированных писем, хранится письмо Брока к дочери Марианне, написанное в Осло в феврале 1928 г. Нелегко найти слова, чтобы описать любовь норвежского слависта к России, её народу и языку, а тот факт, что он по-русски

¹ См. письмо В. Гнатыка О. Броку от 31.03.1898: NB. Olaf Broch, Brevs. 337.

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 18.12.1924, 04.02.1925, 23.02.1925, 09.04.1925.

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 14.08.1927.

⁴ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 04.12.1957.

⁵ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 09.12.1957.

⁶ NB. Olaf Broch, Brevs. 337. Ср. также высказывания А. А. Шахматова по украинскому вопросу [20]).

переписывался со своей дочерью, норвежской «русской девочкой», – явление совершенно уникальное и в словах вряд ли нуждается.

В найденном письме Брока к дочери наглядно проступает образ любящего отца, который старается передать своему ребёнку всё самое лучшее и самое ценное, что он приобрёл в жизни: любовь к русскому языку и к той России, в которую он влюбился двадцатилетним студентом и был верен этой любви до конца жизни.

В нём Брок очень мягко и тактично комментирует ошибки, допущенные дочерью в письме к нему, и доходчиво, с методичной последовательностью объясняет грамматические вопросы и правила правописания: «Дорогая, милая дочка, мне очень забавно читать твоё русское письмо. Оно показывает, что ты работаешь не без успехов, хотя в нём, конечно, много ошибок, но оно везде вполне понятно. Я думаю, что тебе будет полезно, чтобы я указывал и поправлял все ошибки – это будет вроде школьного упражнения. Притом буду писать, как ты: без *ъ*. И не зная «трудного русская языка» – ты сейчас видишь, что нужно переделать русская в русский, не правда ли? – «Я хотел бы» – ты как дама должна писать (и говорить) «я хотела бы»; «благодарить тебя

за посланую ко мне книгу» надо переделать в ...за посланную мне книгу. Если употребить предлог, то писать *ко*, но он в данном выражении не нужен. «Первый дең» нельзя писать, нужно *день*. «Со многим трудностью и со словарю» надо писать: со мно́гою (лучше: большою) трудностью и со словарём (словарь: мужской род).

Не Марианну́чка, а Марианно́чка: *i* пишется перед гласными, если ты употребляешь еще *ъ* – в новейшем правописании *ъ* заменено *е*, а *i* – *и*.

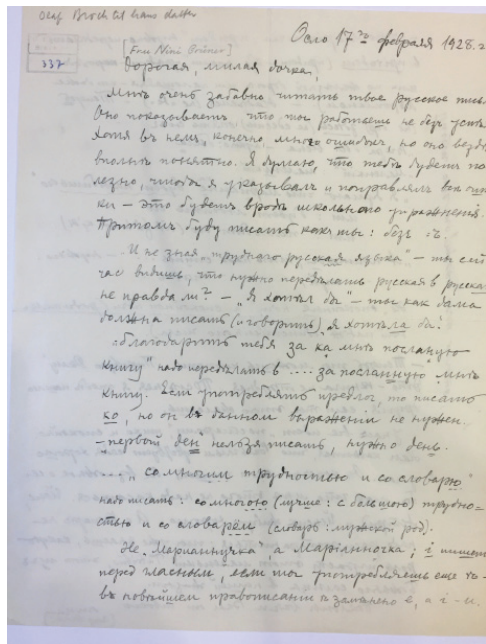
... «что Марианно́чка *придет*» нужно переделать в *приедет* (придет – это «ногами», приедет – паромом или по железной дороге или на лошадях или даже аэропланом).

Надѣмся (не «де»). – Теперь (не «ер») здесь (не сдесь) опять снег... «Вчера был весна» – нужно: была. «Маленкий»: маленький.

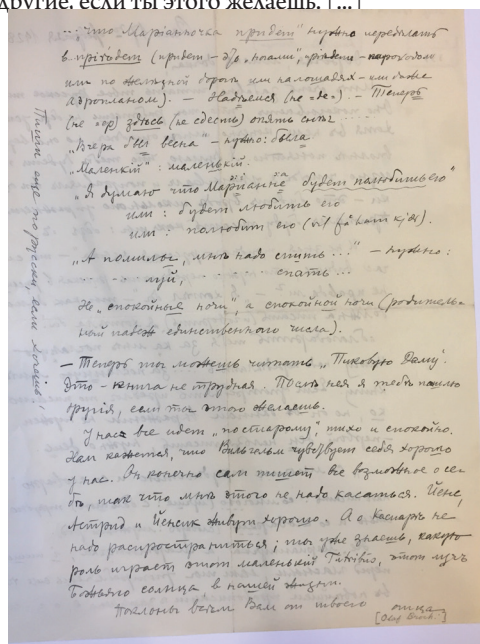
«Я думаю что Мари(и)анне(а) *будет полюбить* его» или: будет любить его или: полюбит его (*vil få ham kjær*).

«А помяиы, мне надо спать...» – нужно: ...луй, ...спать ...не «спокойные ночи», а спокойной ночи (родительный падеж единственного числа).

Теперь ты можешь читать «Пиковую Даму». Это – книга не трудная. После неё я тебе pošлю другие, если ты этого желаешь. [...]

Письмо О. Брока дочери Марианне на русском языке. Автограф. Осло, 17 февраля 1928 г. [NB. Brevs. 337]

Письмо О. Брока дочери Марианне на русском языке (окончание). Автограф. Осло, 17 февраля 1928 г.

Поклон всем Вам от твоего отца Olaf Broch [подпись]. Пиши ещё по-русски, если хочешь».¹

Подводя итог сказанному о составе архива Олафа Брока, который хранится в Норвежской национальной библиотеке в Осло, следует подчеркнуть, что здесь была представлена только эпистолярная его часть. Необходимо также указать на то, что описание материала имеет предварительный характер.

К сожалению, в настоящее время архивные документы как в России, так и в Норвегии крайне редко привлекают внимание филологов и зачастую находятся за пределами исследовательских интересов, поскольку при современном развитии технологий можно проводить исследования на материале многомиллионных национальных корпусов, не покидая уютного кабинета и не отходя от компьютера. Трудоёмкому изнурительному поиску архивных материалов, без которых немислимо

полноценное изучение истории науки, отдают свои силы, здоровье и время только единицы филологов, которые по-другому жить и работать не могут. Но ведь занимаясь наукой, преступно не изучать наследие и не чтить память тех, кто стоял у её истоков, ссылаясь на обстоятельства или другие приоритеты, потому что «как ни бурно время, но нельзя забывать о людях, личностях».

Отмечая юбилей историографа науки филолога-слависта Н. А. Кондрашова важно не только вспомнить о его вкладе в славяноведение, но и наметить новые пути в развитии идей учёного, изложенных как в изящных формулировках его блестящих трудов, так и читаемых между строк.

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград: типография Императорской Академии наук, 1916. 128 с.
2. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 83. № 4. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1907. 151 с.
3. Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5:2 / под ред. И. В. Ягича. СПб.: Издание Императорской АН, 1910. 262 с.
4. Дьяченко С. В. Труды Олафа Брока и современное исследование архаического южнорусского вокализма // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 49–59.
5. Карелин В. А. Профессор Олаф Брок – «агент» русского влияния в Норвегии? (из истории русско-норвежских общественных связей начала XX столетия) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. Вып. 1. С. 5–15.
6. Кондрашов Н. А. «Архив славянской филологии» и его роль в истории славистики // Проблемы исторической лексикологии и семасиологии русского языка: Лингвистический сборник. Вып. 8. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1977. С. 3–12.
7. Кондрашов Н. А. Вклад Бодуэна де Куртенэ в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 96–99.
8. Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (К двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102.
9. Кондрашов Н. А. Изучение западнославянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 153–173.
10. Кондрашов Н. А. Казимеж Нитш (К столетию со дня рождения) // Лингвистический сборник: сборник трудов МОПИ имени Н. К. Крупской. Вып. 4. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1975. С. 3–10.
11. Кондрашов Н. А. Николай Сергеевич Трубецкой (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 17.02.1928.

- в школе. 1990. № 2. С. 98–103.
12. Кондрашов Н. А. Славянские языки. 3-е изд. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
 13. Кузьменко О. Наукова та організаційна діяльність Володимира Гнатюка в Науковом Товаристві ім. Шевченка: взаємими з Олафом Броком // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 60–89.
 14. Лённгрен Т. П. «Друг и помощник человечества»: переписка норвежского слависта Олафа Брока // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 12. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 82–97.
 15. Лённгрен Т. П. «...Собрал ряд наблюдений над настоящим состоянием России»: Путевые заметки Олафа Брока // Брок О. Диктагура пролетариата. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2018. С. 169–173.
 16. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
 17. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
 18. Тер-Аванесова А. В. Книга Олафа Брока «Очерк физиологии славянской речи» и её значение для изучения фонетики славянских языков // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 226–245.
 19. Хобзей Н. Українське тло лінгвістичних студій Олафа Брока // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 246–262.
 20. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племён, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
 21. Broch O. *Slavische phonetik*. Heidelberg: Carl Winter, 1911. 347 p.
 22. Broch O. *Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*. Kristiania, 1897. 76 p. (= Videnskabselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse, No. 5).
 23. Broch O. *Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*. Kristiania: Grøndhal & Søn's Bogtrykkeri, 1899. 104 p.
 24. Broch O. *Zum Kleinrussischen in Ungarn* // *Archiv für slavische Philologie*. 1895. Bd. 17. S. 321–415.
 25. Broch O. *Zum Kleinrussischen in Ungarn. II. Der Dialekt von Ubyla* // *Archiv für slavische Philologie*. 1897. Bd. 19. S. 1–21.
 26. Lönngren T. «...прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов // *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*. 2015. Vol. 56. P. 37–57.
 27. Lönngren T. Архив профессора Олафа Брока в Норвежской Национальной Библиотеке // *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*. 2016. Vol. 57. P. 35–47.

REFERENCES

1. Broch O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects to the West of Mosalsk]. Petrograd, tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1916. 128 p.
2. Broch O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoi chasti Totemskogo uezda. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti. T. 83. №4* [The description of one dialect from the South-Western part of the Totema district. The collection of the Department of Russian language and literature. Vol. 83. No. 4]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1907. 151 p.
3. Broch O. [Essay on physiology of Slavonic speech]. In: Yagich I. V., ed. *Entsiklopediya slavyanskoi filologii. Vip. 5:2* [Encyclopedia of Slavic Philology. Iss. 5:2]. St. Petersburg, Izdanie Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1910. 262 p.
4. D'yachenko S. V. [The works of Olaf Broch and the modern study of the archaic southern Russian vocalism]. In: *Slov'ians'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyanskikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic

- Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 49–59.
5. Karelin V. A. [Professor Olaf Broch – an “Agent” of Russian Influence in Norway? (a Glimpse of the Russian-Norwegian Cultural and Sociopolitical Relations in the Early 20th Century)]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [“Vestnik of Northern (Arctic) Federal University”. Humanitarian and Social Sciences], 2013, no. 1, pp. 5–15.
 6. Kondrashov N. A. [“Archive of Slavic Philology” and its role in the history of Slavic studies]. In: *Problemy istoricheskoi leksikologii i semasiologii russkogo yazyka: Lingvisticheskii sbornik. Vip. 8* [Problems of historical lexicology and semasiology of the Russian language: Linguistic collection. Iss. 8]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1977, pp. 3–12.
 7. Kondrashov N. A. [Contribution of Baudouin de Courtenay to General Linguistics and Slavic Studies (to the 150th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 3, pp. 96–99.
 8. Kondrashov N. A. [Life and works of Pavel Joseph Shafarik (to the 200th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 1, pp. 97–102.
 9. Kondrashov N. A. [Study of West Slavic languages in Russia and in the Soviet Union]. In: *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniiya. Vip. 2* [Questions of Slavic linguistics. Iss. 2]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1957, pp. 153–173.
 10. Kondrashov N. A. [Kazimierz Nitsch (to the 100th anniversary)]. In: *Lingvisticheskii sbornik: sbornik trudov MOPI im. N. K. Krupskoi. Vip. 4* [Linguistic collection: collection of works of Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute. Iss. 4]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1975, pp. 3–10.
 11. Kondrashov N. A. [Nikolai Sergeevich Trubetskoy (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1990, no. 2, pp. 98–103.
 12. Kondrashov N. A. *Slavyanskie yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
 13. Kuz'menko O. [Volodymyr Hnatyuk's Scientific and Organizational Activity in the Shevchenko Scientific Society: in a relationship with Olaf Broch]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 60–89.
 14. Lönngren T. P. [“Friend and helper of mankind”: correspondence of the Norwegian Slavic Olaf Broch]. In: *Vestnik «Al'yans-Arkheo». Vip. 12* [Bulletin of the Alliance Archeo. Iss. 12]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2015, pp. 82–97.
 15. Lönngren T. P. [“... Collected a number of observations on the current state of Russia”: Travel notes by Olaf Broch]. In: Broch O. *Diktatura proletariata* [The dictatorship of the proletariat]. Moscow, Izdatelstvo imeni Sabashnikovykh Publ., 2018. pp. 169–173/
 16. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 17. Kondrashov N. A., ed. and comp. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 559 p.
 18. Ter-Avanesova A. V. [The book of Olaf Broch “Essay on the physiology of Slavic speech” and its significance for the study of the phonetics of Slavic languages]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 226–245.
 19. Khobzei N. [Olaf Broch's Ukrainian Linguistic Studio Background]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 246–262.
 20. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of

- the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istorija gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.
21. Broch O. *Slavische phonetik*. Heidelberg, Carl Winter Publ., 1911. 347 p.
 22. Broch O. Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania, 1897. 76 p. (= Videnskabselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse, No. 5).
 23. Broch O. Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania, Grøndhal & Søn's Bogtrykkeri Publ., 1899. 104 p.
 24. Broch O. Zum Kleinrussischen in Ungarn. In: *Archiv für slavische Philologie*, 1895, Bd. 17, S. 321–415.
 25. Broch O. Zum Kleinrussischen in Ungarn. II. Der Dialekt von Ubyla. In: *Archiv für slavische Philologie*, 1897, Bd. 19, S. 1–21.
 26. Lönngren T. ["... please do not forget that you have a friend": Olaf Broch and Aleksej Aleksandrovič Šachmatov]. In: *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 2015, vol. 56, pp. 37–57.
 27. Lönngren T. [Professor Olaf Broch's archive in the National Library of Norway]. In: *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 2016, vol. 57, pp. 35–47.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лённгрен Тамара Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры языков и культур Университета Тромсё – Арктического Университета Норвегии;
e-mail: tamara.lonnngren@uit.no

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara P. Lönngren – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Language and Culture, University of Tromsø (UiT) – The Arctic University of Norway;
e-mail: tamara.lonnngren@uit.no

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лённгрен Т. П. Вынужденная лакуна в трудах Н. А. Кондрашова по историографии славистики: норвежский славист Олаф Брок // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 94–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-94-110

FOR CITATION

Lönngren T. P. Enforced lacuna in N. Kondrasov's studies on historiography of slavistics: Norwegian slavist Olaf Broch. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 94–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-94-110